

Terra Economicus, 2022, 20(1): 81–101

DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101

Представления о неравенстве и перераспределении: межстрановой сравнительный анализ

Фролова Елена Александровна

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия
e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

Маланина Вероника Анатольевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
e-mail: milanskaya@mail.ru

Клемашева Елена Игоревна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, e-mail: eik15@tpu.ru

Кашапова Эльмира Рамисовна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, e-mail: elmira@tpu.ru

Цитирование: Фролова Е.А., Маланина В.А., Клемашева Е.И., Кашапова Э.Р. (2022). Представления о неравенстве и перераспределении: межстрановой сравнительный анализ. *Terra Economicus* 20(1): 81–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101

В статье представлены результаты оценки восприятия неравенства во взаимосвязи с запросом на инструменты перераспределения и оценками эффективности политики выравнивания в разрезе возрастных групп (трудоспособные граждане и старшее поколение) и межстрановых сопоставлений (Россия и страны Европы). Исследование выполнено на данных восьмой волны Европейского социального обзора (ESS-2016). В результате исследования установлено, что ценности равенства и спрос на инструменты перераспределения нелинейно зависят от возраста респондентов. Подтверждена гипотеза о множественных равновесиях между индивидуальными представлениями о неравенстве и спросе на инструменты перераспределения, а также гипотеза об «альтруизме богатых» у респондентов старшего возраста в РФ. Выявлены низкие оценки эффективности политики выравнивания в России при сравнительно более высоком уровне фактического неравенства и спросе на инструменты перераспределения. Не нашла подтверждения гипотеза о влиянии занятости на оценки неравенства и политики перераспределения. Гендерные различия в оценках неравенства, спросе на перераспределение и эффективности политики выравнивания в России и странах Европы также не обнаружены. Наблюдается высокий уровень солидарности респондентов в европейских странах в отношении ценностей равенства шансов и результатов. При этом существенны различия в спросе на инструменты перераспределения, что может объясняться как культурно-историческими эффектами и различиями в уровне доверия населения государственным институтам, так и особенностями национальных моделей социальной политики. Результаты исследования могут быть использованы для мониторинга общественных настроений и научного обоснования инструментов политики укрепления солидарности в обществе.

Ключевые слова: старшее поколение; неравенство; коэффициент Джини; политика перераспределения; выравнивание; доходы; эффективность

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Разработка комплексной системы оценки неравенства пожилых людей и проектирование инструментов укрепления их жизнестойкости» (проект №19-18-00282)

Inequality perceptions and redistribution preferences: An international comparison

Elena A. Frolova

Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Russia, e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

Veronika A. Malanina

Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University, Russia, e-mail: milanskaya@mail.ru

Elena I. Klemasheva

Tomsk Polytechnic University, Russia, e-mail: eikl5@tpu.ru

Elmira R. Kashapova

Tomsk Polytechnic University, Russia, e-mail: elmira@tpu.ru

Citation: Frolova E.A., Malanina V.A., Klemasheva E.I., Kashapova E.R. (2022). Inequality perceptions and redistribution preferences: An international comparison. *Terra Economicus* 20(1): 81–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101

Our study aims at assessing the perceptions of inequality in Russia and European countries. We rely on empirical evidence provided by the European Social Survey (ESS8 2016). Research results show that the value of equality and the demand for the tools of redistribution are non-linearly dependent on the age of respondents. Our findings are in line with the hypothesis of multiple equilibria between individual perceptions of inequality and the demand for redistribution tools, as well as the hypothesis of “altruism of the rich”, with regard to older respondents in the Russian Federation. Russian equalization policy shows low efficiency, while both the level of inequality and demand for redistribution tools remain relatively high. The hypothesis about the impact of employment on estimates of inequality and redistribution policies has not been confirmed. We found no gender differences in estimates of inequality, the demand for redistribution, and the effectiveness of the equalization policy in Russia and European countries. There is a high level of solidarity among respondents in European countries regarding the values of equal chances and outcomes. However, there are significant differences in the demand for redistribution instruments, which can be explained by cultural and historical effects, the level of trust in government institutions, as well as by the model of country's social policy. Our findings can contribute to public opinion monitoring and policy support for strengthened solidarity.

Keywords: older adults; inequality; Gini coefficient; redistributive policies; equalization; income; efficiency

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00282 “Developing a comprehensive system for assessing the inequality of the older adults and designing tools to strengthen their resilience”

JEL codes: D31, O57, Z13

Постановка проблемы

В современной науке представлен широкий пласт сравнительных исследований, в которых выявлены существенные различия в сфере фактического распределения доходов и имущества населения, а также представлений о неравенстве, которые сложились в обществе. Установлено, что именно представления о неравенстве, а не фактически сложившаяся дифференциация, часто являются драйверами формирования запроса на политику выравнивания, определяют общественные оценки «нормального (справедливого)» и «избыточного (несправедливого)» неравенства, а также позволяют оценить эффективность политики выравнивания как в аспекте распределения результатов, так и в сфере обеспечения равенства возможностей. При этом представления о неравенстве, его причинах и последствиях могут значительно различаться в отдельных социальных группах (пожилые/молодые, работающие/безработные, богатые/бедные и др.).

Ошибки в оценке фактического неравенства зафиксированы в работах В. Гимпельсона и Д. Трейсмана. Авторы отмечают, что именно восприятие неравенства, а не его фактический уровень определяет спрос на инструменты перераспределения, так как большинство людей имеют ошибочные представления о том, каков фактический уровень дифференциации в стране и на какой ступеньке доходной иерархии они сами находятся (Gimpelson and Treisman, 2018). Расхождения в оценках неравенства и фактических его значениях также выявлены в других исследованиях (Cruses et al., 2013). Влияние субъективных оценок индекса Джини на предпочтения в перераспределении представлено в работе (Choi, 2019).

Региональные различия в восприятии неравенства и его влиянии на субъективную удовлетворенность жизнью (счастье) исследовали А. Алесина, Р. Ди Телла и Р. Маккалло. Авторы обнаружили, что в условиях высокого неравенства люди чувствовали себя менее счастливыми, особенно в странах Европы (Alesina et al., 2004). При этом европейские респонденты с низким уровнем доходов и левыми политическими взглядами не приемлют неравенство, хотя в США подобной зависимости обнаружено не было. Во многом это может объясняться особенностями социокультурной среды в США, которая стимулирует социальную мобильность, в то время как в странах Европы люди в большей мере склонны верить, что живут в условиях низкой мобильности.

Влияние социальной мобильности на востребованность политики перераспределения также рассматривает в своей статье Т. Пикетти. Автор отмечает, что в оценке эффективности налоговых инструментов перераспределения очень большую роль играет опыт мобильности, который есть у индивида, а не только текущий уровень личного дохода (Piketty, 1995). Сторонники левых политических идей склонны в большей мере голосовать за политику выравнивания, чем правые, так как именно они в большей мере верят в личные усилия и таланты по достижению высокого уровня материального благосостояния. Влияние мобильности на общественный запрос на инструменты перераспределения также определяется перспективами восходящей мобильности (POUM-hypothesis), вследствие чего бедные не всегда поддерживают инструменты перераспределения, так как ожидают повышения доходов в будущем (Benabou and Ok, 2001).

В серии лабораторных экспериментов (Durante et al., 2014) выявлено существенное влияние, которое оказывают социальные нормы равенства на политику перераспределения, наряду с эгоистичными интересами, механизмами страхования и оценками эффективности. Авторы оценивали издержки налогового администрирования, «мертвый груз» от налогообложения, неопределенность в отношении динамики личного дохода, подлежащего налогообложению, и эффективность политики перераспределения. Экспериментальные исследования, результаты которых представлены в работе (Isaksson and Lindskog, 2009), подтверждают наличие существенных различий в предпочтениях в отношении политики перераспределения в разных странах, что свидетельствует о влиянии убеждений участников исследования в отношении ценностей равенства и справедливости.

Влияние экономического статуса на предпочтения в сфере политики выравнивания исследовано в работе Э. Гуиллауд. Статус индивида на рынке труда в большей мере, чем все остальные характеристики, влияют на представления индивидов о необходимости политики выравнивания. Дополнительным фактором являются представления о персональной траектории индивидуальной мобильности: если респондент считает, что в последние 10 лет он опускается по соци-

альной лестнице – он будет более лояльным к политике перераспределения. Результат получен на данных по 33 странам (Guillaud, 2013).

Предпочтения в отношении политики перераспределения также определяются влиянием субъективных оценок собственного социального статуса (принадлежность к определенному социальному классу) (Duman, 2020; Andersen and Curtis, 2015). Исследования, посвященные анализу влияния индивидуального опыта жизни в условиях неравенства на политику перераспределения, показывают, что лица, столкнувшиеся с высоким уровнем неравенства, не поддерживают политику перераспределения вне зависимости от текущего уровня дохода, макроэкономических условий, занятости, социально-демографических характеристик (Roth and Wohlfart, 2018). Исследования влияния занятости на индивидуальные предпочтения в отношении политики перераспределения показывают наличие прямой связи между статусом безработного и запросом на инструменты выравнивания, однако, как отмечает автор, эта связь имеет временный характер (Marten, 2019).

Предпочтения в политике перераспределения в России зависят от уровня доходов социальных групп, места жительства респондентов, их возраста, гендерных характеристик, опасения потерять работу, уровня образования. Исследования подтверждают наличие туннельного эффекта А. Хиршмана (Ravallion and Lokshin, 2000). Особенности восприятия неравенства и бедности в разных социальных группах в РФ представлены в работах С. Мареевой и Н. Тихоновой (Мареева, Тихонова, 2016; Мареева, 2021). В сравнительном исследовании мнений городских жителей Шанхая и Санкт-Петербурга о неравенстве в России и КНР выявлены существенные различия в представлениях о политике перераспределения (Danilova, 2017). Неравенство в доступе к услугам здравоохранения в РФ рассмотрено в работе О. Кислицыной (Кислицына, 2018).

Различия в индивидуальных представлениях о справедливости и неравенстве также являются факторами моделей, объясняющих спрос на инструменты перераспределения. Респонденты склонны рассматривать неравенство как справедливое, если оно обусловлено личными талантами и усилиями (Garcia-Sanchez et al., 2020). Множественные равновесия в этой области выявлены в работе А. Алесины и Г. Ангелетоса (Alesina and Angeletos, 2005). Именно наличие множества представлений о справедливости неравенства, по мнению авторов, объясняет различия во взаимосвязи индивидуальных представлений о неравенстве и спросе на инструменты перераспределения. Динамика представлений о неравенстве в контексте обоснования их легитимности и спроса на инструменты перераспределения представлена в исследовании С. Мареевой (Мареева, 2019). Методологические проблемы в исследовании неравенства отмечает Р. Капелюшников (Капелюшников, 2020).

Несмотря на большое количество источников по данной проблематике, отдельные ее аспекты требуют дополнительного изучения. В частности, в литературе крайне редко встречаются комплексные исследования восприятия неравенства и политики перераспределения в РФ. Большинство работ представляют собой оценки эффективности налоговых инструментов с точки зрения нормативной посылки о том, что снижение показателей неравенства – это и есть индикатор эффективности принимаемых налоговых мер. Отдельный аспект – это работы по социальной психологии, авторы которых оценивают различные формы проявления неравенства по отношению к отдельным общественным группам (гендерная дискриминация, этнические конфликты, неравенства в доступе к образованию/здравоохранению, региональные неравенства и др.).

Целью данного исследования является комплексная оценка восприятия неравенства и выявление взаимосвязей между представлениями о неравенстве и запросом на инструменты перераспределения в России, в том числе с точки зрения оценки эффективности этих инструментов.

В ходе исследования были проверены следующие гипотезы:

1. Респонденты старшего возраста менее толерантны к неравенству и предъявляют больший спрос на инструменты перераспределения, чем трудоспособное население. Данная закономерность характерна как для развитых, так и для развивающихся стран;
2. Оценки легитимности неравенства и спрос на инструменты перераспределения зависят от статуса индивида на рынке труда, его доходов, возраста и семейного положения, так как именно эти факторы определяют перспективы социальной мобильности и субъективные представления об этих перспективах;
3. Ценности равенства и спрос на инструменты перераспределения зависят от исторического опыта развития социальной системы в стране.

Методы исследования и источники данных

В рамках данного исследования предпринята попытка измерить представления о неравенстве, запрос на политику выравнивания и эффективность инструментов перераспределения с точки зрения старшего поколения. Старшее поколение принято рассматривать как гомогенную социальную группу, которая характеризуется унифицированными социально-экономическими параметрами и потребностями. Они, в свою очередь, удовлетворяются с использованием ресурсов системы социального обслуживания населения. Уровень дифференциации потребностей и финансовая база их удовлетворения определяются нормами государственного социального обеспечения, пенсионного страхования.

Реальность вносит существенные коррективы в это нормативное представление. Развитие системы пенсионного страхования в сторону модели смешанной ответственности (*mixed responsibility*), совершенствование финансовых институтов частного и корпоративного пенсионирования, институтов рынка ценных бумаг, альтернативных форм занятости приводит к росту дифференциации материального положения пенсионеров. Неравенство доходов, в свою очередь, провоцирует неравенство в доступе к социально значимым благам (в первую очередь качественной медицинской помощи, потребность в которой с возрастом неуклонно возрастает), что несомненно влияет на продолжительность, качество жизни и адаптационный потенциал (жизнестойкость) старшего поколения. Тенденции ускорения процессов старения населения во всех странах мира еще больше усиливают эти противоречия: в соответствии с демографическим прогнозом ООН, к 2050 году доля старшего поколения в общей численности населения мира вырастет почти в два раза и превысит 15%, в том числе в странах Европы и Северной Америки – 26%¹. Таким образом, старшее поколение становится весомой социальной и политической силой, которая способна транслировать социальные ценности и влиять на государственную политику во всех сферах деятельности.

В целях данного исследования использовалась универсальная трактовка возрастной структуры населения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в соответствии с которой к пожилому возрасту относятся лица 60 лет и старше. Лица в возрасте от 15 до 59 включительно в этом исследовании отнесены к трудоспособному населению (молодой и средний возраст). Для первых основным источником доходов являются различные формы социальных трансфертов, что определяет их заинтересованность в перераспределении большей доли ВВП через инструменты пенсионного и социального страхования. Для трудоспособного населения базовый источник доходов – доходы от трудовой и предпринимательской деятельности, изъятие части которых в форме налогов может существенно снижать покупательную и инвестиционную активность, темпы экономического роста и усиливать конфликт поколений.

Безусловно, эта градация не лишена недостатков в силу особенностей национального трудового, социального и гражданского права в сфере установления границы пенсионного возраста и использования рабочей силы разных возрастных групп (молодежи, женщин, инвалидов, предпенсионеров). В большинстве развитых стран граница пенсионного возраста превышает 60 лет. Во многих странах эта норма дополняется различными формами гибкой занятости в предпенсионных возрастах, которые позволяют, при наличии существенных индивидуальных ограничений трудоспособности либо с учетом текущей ситуации на рынке труда, закончить трудовую деятельность досрочно (в среднем на 3–5 лет раньше официального возраста выхода на пенсию). Также можно продлить трудовую активность сверх границы пенсионного возраста, накопив, таким образом, дополнительный пенсионный капитал. Все это приводит к размыванию фактической верхней границы трудоспособности, что находит отражение и в научных исследованиях. Например, в методике Индекса активного долголетия (Active Ageing Index) измеряется трудовая активность населения в ЕС в возрасте от 55 до 74 лет, что позволяет оценить не только соблюдение формальных норм трудового и пенсионного законодательства, но и реальную вовлеченность лиц пенсионного и предпенсионного возраста в трудовую деятельность². Также необходимо

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). *World Population Prospects*. <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-2019-highlights.html#:~:text=The%20world's%20population%20is%20expected,United%20Nations%20report%20launched%20today> (дата обращения: 25.12.2021)

² Active Ageing Index: Analytical Report (2019). https://unece.org/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf (дата обращения: 22.12.2021)

учитывать возрастную дискриминацию на рынке труда, которая приводит к ухудшению условий работы или высвобождению работников предпенсионного возраста в силу предубеждений работодателей относительно квалификации и качества труда таких сотрудников. Количественно измерить распространенность этой практики часто не представляется возможным.

В работе использованы данные восьмой волны Европейского социального исследования (ESS-8, 2016, N = 44387)³. Это обследование проводится с интервалом один раз в два года более чем в двух десятках стран Европы. К участию приглашаются респонденты старше 15 лет, независимо от национальности и гражданства. Согласно методологии ESS, используется метод вероятностной выборки; для страны с населением свыше двух миллионов количество участников исследования превышает 1500 респондентов. В рамках восьмой волны (ESS-8) в России была опрошена репрезентативная выборка из 2430 респондентов, 675 из которых – в возрасте 60 лет и старше, проживающие во всех федеральных округах Российской Федерации.

Восприятие неравенства оценивалось при помощи следующих вопросов анкеты: «Справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались как с равным» (6-балльная шкала, от «очень похоже на меня» до «совсем не похоже на меня»).

Востребованность государственной политики выравнивания оценивалась на основе следующих вопросов: «Государство должно снижать различия в уровне доходов» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Социальные пособия предназначены только для лиц с самыми низкими доходами» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Именно государство несет полную меру ответственности за уровень жизни старшего поколения» (10-балльная шкала, от «это не является обязанностью государства» до «это в полной мере ответственность государства»).

Эффективность реализуемой политики выравнивания оценивалась на основе вопросов: «Социальные пособия действительно сдерживают рост бедности» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Социальные пособия способствуют преодолению неравенства» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»), «Социальные пособия делают людей ленивыми» (5-балльная шкала, от «полностью согласен» до «совершенно не согласен»).

Ответы респондентов по всем блокам вопросов были сведены в бинарную шкалу («согласен»/«не согласен»). Выборка разделена на несколько подгрупп по социально-демографическим признакам (пол, возраст, образование, семейное положение, основной вид деятельности, основной источник дохода, место респондента в доходной иерархии). Описательная статистика и зависимости рассчитаны с использованием статистического пакета SPSS-26.

Восприятие неравенства

В результате проведенного исследования установлено, что имеются существенные различия в восприятии неравенства у старшего поколения в сравнении с представлениями у молодежи и лиц среднего возраста в РФ (рис. 1). В среднем старшее поколение (60 лет и старше) более ориентировано на ценности равенства, чем респонденты более молодых возрастных групп (16–59 лет).

Представления о неравенстве почти не зависят от гендерных характеристик респондентов, основного вида деятельности (работающие/неработающие) и источника доходов (зарплата/пенсия). Напротив, возраст, семейное положение, уровень образования, принадлежность респондента к конкретной доходной группе определяют различия в представлениях о неравенстве как у старшего поколения, так и у более молодых возрастных групп. Респонденты с доходами на уровне 1–4 дециля (бедные и малоимущие) в целом поддерживают идеи равенства, однако 50% согласны с тем, что личные усилия и таланты могут сопровождаться более высоким уровнем неравенства.

³ European Social Survey (2016). <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 22.12.2021)

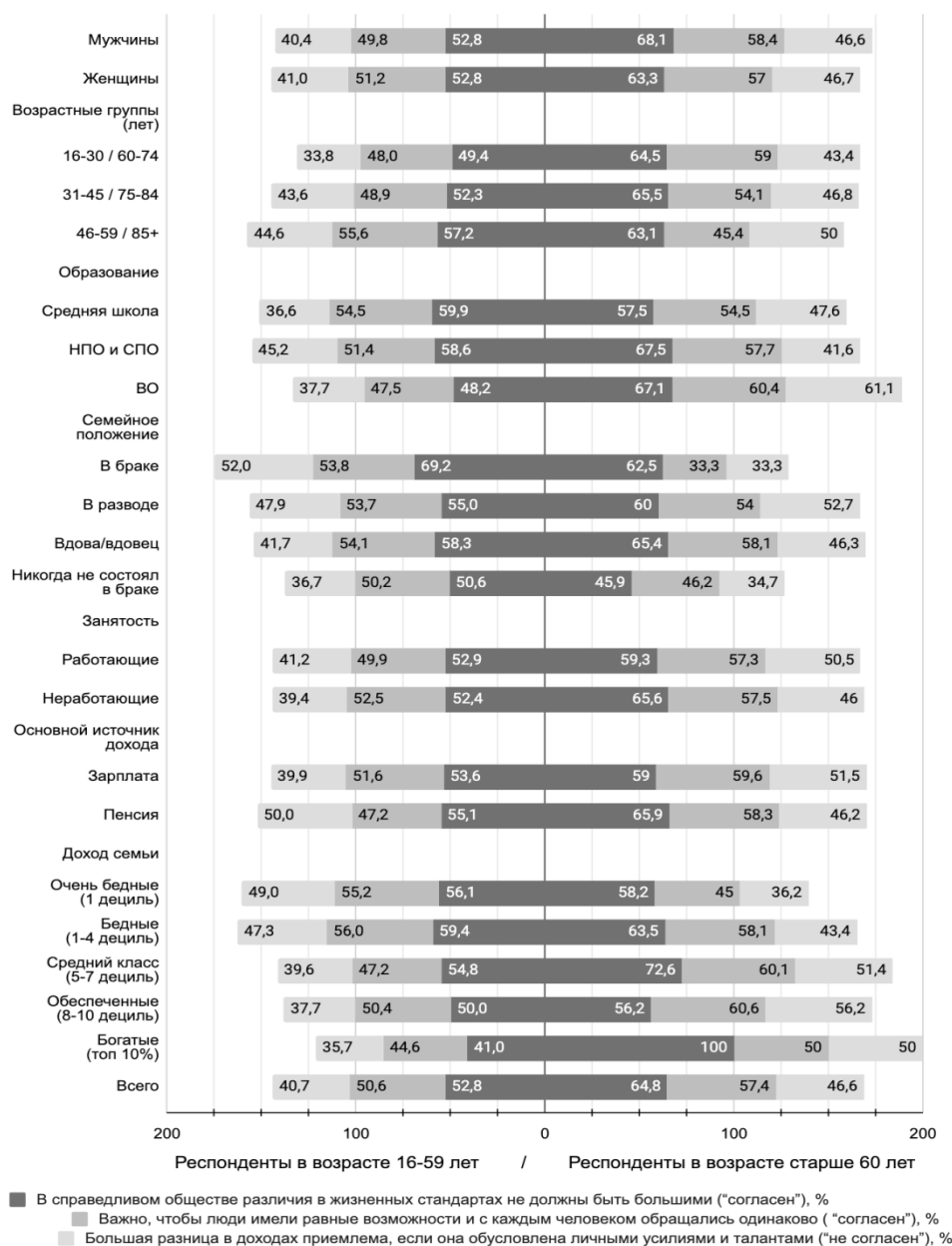

Рис. 1. Восприятие неравенства в России

Источник: расчеты авторов.

Наиболее лояльны к неравенству не только представители самых обеспеченных (8–10 дециль), но и самых бедных (1 дециль) групп пожилых людей. Среди лиц младшего и среднего возраста с высоким уровнем доходов также наблюдается более высокая толерантность к неравенству. Иначе выглядит картина представлений о неравенстве в разрезе возрастных подгрупп, а также в контексте образовательного уровня и семейного положения респондентов. В случае старшего поколения (старше 60 лет) идеи неприятия неравенства отстаивают представители более молодых возрастных подгрупп (60–75 лет), в то время как респонденты старше 85 лет более лояльны к неравенству. Среди респондентов трудоспособного возраста наблюдается обратная тенденция: менее толерантными к неравенству оказались представители старших возрастных подгрупп (46–59 лет).

С точки зрения образовательного уровня «за равенство» выступают более образованные представители старшего поколения и менее образованные представители молодого и среднего возраста. В разрезе семейного положения также наблюдаются значительные различия в представлениях о ценностях равенства и у пожилых, и у трудоспособных. Если среди лиц пенсионного возраста более ориентированы на равенство те, кто в состоянии развода с супругом или вовсе его потерял

и наоборот, семейные и одинокие более лояльны к неравенству, то среди трудоспособных респондентов ситуация обратная – те, кто имел опыт семейных отношений, и особенно те, кто все еще состоит в браке, гораздо больше ориентированы на равенство, чем респонденты, которые никогда не имели официально закрепленных отношений. Более лояльны к неравенству как пожилые люди, никогда не состоявшие в браке, так и трудоспособные лица аналогичного семейного статуса, однако именно они меньше всего склонны оправдывать неравенство личными усилиями и талантами.

Выявленные тенденции могут быть обусловлены различиями в оценках возможностей вертикальной социальной мобильности и эффективности государственной социальной политики. Более молодые респонденты трудоспособного возраста с юношеским максимализмом верят в личные таланты и усилия как главные факторы экономического успеха (Вишневский, 2016), в то время как респонденты среднего возраста, столкнувшись с особенностями отбора и найма персонала на российском рынке труда, гендерной и возрастной дискриминацией, серыми схемами выплаты зарплаты и реальным отсутствием формально закрепленных в законодательстве социальных гарантий, в меньшей степени склонны опираться на «виртуальные социальные лифты» и готовы требовать от государства большей активности в сфере защиты прав работников⁴.

Повышение толерантности к неравенству по мере увеличения возраста респондентов старшего поколения может быть, напротив, обусловлено разочарованием в политике перераспределения, низкими оценками возможностей социальной мобильности, а также влиянием когортного эффекта (снижение доверия к государственным институтам рыночного хозяйства в целом и ностальгия по советской эпохе)⁵.

Человеческий капитал, сформированный на каждом следующем уровне образования, дополняет эффекты социальной мобильности, но его влияние также не является линейным. Более высокий уровень образования и осведомленности респондентов об экономических и социальных эффектах активной политики выравнивания, в том числе в части усиления иждивенческих настроений и роста налоговой нагрузки на предпринимательский сектор, приводит к сокращению поддержки идей всеобщего равенства и справедливости у более образованных групп трудоспособного возраста. У респондентов старшего возраста человеческий капитал оказывает обратное действие: наблюдается укрепление ценностей социальной солидарности у респондентов с более высоким уровнем образования (Гимпельсон, Монусова, 2014).

Различия в оценках справедливости неравенства в разных доходных группах трудоспособных респондентов также имеют объективные основания. Материально обеспеченные респонденты склонны рассматривать неравенства как справедливые различия, обусловленные личными талантами и усилиями, в то время как малообеспеченные респонденты связывают неравенства с несправедливым распределением доходов, имущества, жизненных шансов.

Восприятие неравенства в разных доходных группах респондентов старшего возраста может быть реализацией выявленного в исследованиях (Аникин, 2020; Meltzer, 1981) «альтруизма богатых». Материально обеспеченные представители старшего возраста рассматривают высокий уровень неравенства как нелегитимный, обладая более выраженными просоциальными предпочтениями, чем респонденты трудоспособного возраста, деятельность которых ориентирована на достижение личных успехов (Cutler, 2021). Это может быть следствием изменения структуры потребностей и предпочтений в старшем возрасте, а также изменениями в структуре ресурсов для их удовлетворения (диверсифицированный портфель активов, включая имущество и ценности и, как следствие, низкий риск бедности).

Семейное положение может оказывать влияние на восприятие неравенства при помощи механизмов неформальной финансовой и социальной поддержки (обязательства членов семьи оказывать помощь в трудных жизненных ситуациях). Одинокие респонденты разных возрастных групп привыкли рассчитывать главным образом на собственные силы. Также им свойственен более низкий уровень доверия к государственным и общественным институтам. Респонденты, имеющие опыт семейных отношений, но потерявшие по разным причинам супругов, психологически чувствуют себя более уязвимыми перед превратностями судьбы, в том числе в финансовых вопросах, поэтому не готовы оправдывать неравенство, в том числе обусловленное личными талантами и усилиями (Jaspal and Breakwell, 2020).

⁴ Аптекарь П. (2019). Чем опасна ловушка неравенства. Ведомости, 16 января. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/16/791629-lovushka-neravenstva> (дата обращения: 20.12.2021)

⁵ ФОМ (2020). Справедливость и несправедливость. Справедливо ли устроено наше общество? Как часто люди сталкиваются с несправедливостью? <https://fom.ru/TSennosti/14469> (дата обращения: 22.12.2021)

Пожилые люди в европейских странах демонстрируют более высокий уровень солидарности в отношении ценностей равенства, при этом по всем аспектам восприятия неравенства оценки выше, чем у российских респондентов. Представления о неравенстве у лиц старше 60 лет в странах Европы практически не отличаются в отдельных гендерных и возрастных подгруппах. Также нет существенной разницы в зависимости от семейного положения или субъективной оценки собственного материального благосостояния (за исключением группы самых богатых), занятости, основного источника доходов. В среднем более 60% респондентов старше 60 лет в европейских странах предпочитают высокий уровень равенства, 38% – не готовы оправдывать неравенства личными усилиями и талантами. Взгляды на неравенство трудоспособных респондентов в Европе, напротив, более разнообразны (рис. 2).

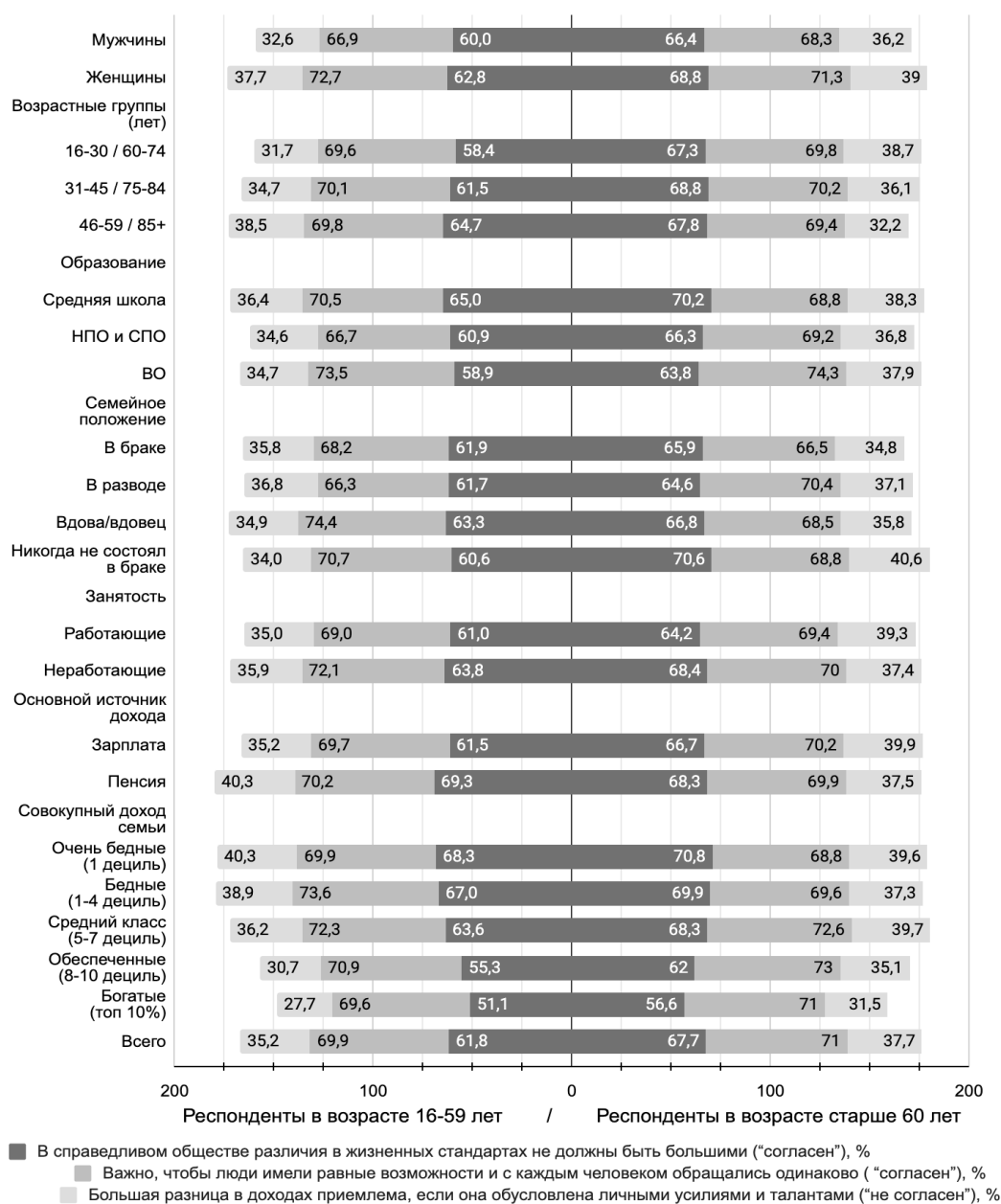

Рис. 2. Восприятие неравенства: старшее поколение и трудоспособное население в странах Европы

Источник: расчеты авторов.

Как и в России, в странах Европы наблюдается тенденция незначительного роста лояльности к неравенству в самых молодых (16–30 лет) и в самых старших (85+) возрастных подгруппах.

Существенные различия в восприятии неравенства также наблюдаются в гендерном и доходном аспектах – мужчины и респонденты с более высоким уровнем материального благосостояния (8–10 дециль) демонстрируют более высокий уровень лояльности к неравенству. Образовательный уровень респондентов и семейное положение не являются факторами существенной дифференциации представлений о неравенстве.

В рамках межстранового анализа (рис. 3) за равенство в уровне жизни населения больше ратует старшее поколение в Португалии (89%), за равенство возможностей – респонденты старшего возраста в Испании (90%); 58% пожилых жителей Исландии не готовы оправдать неравенство, обусловленное личными талантами и усилиями. На обратной стороне этого спектра – пожилые люди в Чехии (46% выступают за равенство в уровне жизни и 51% – за равенство возможностей) и Польше (17% не поддерживают основанное на талантах неравенство). Высокий уровень неприятия неравенства демонстрируют респонденты старшего возраста в Испании, Исландии и Словении.

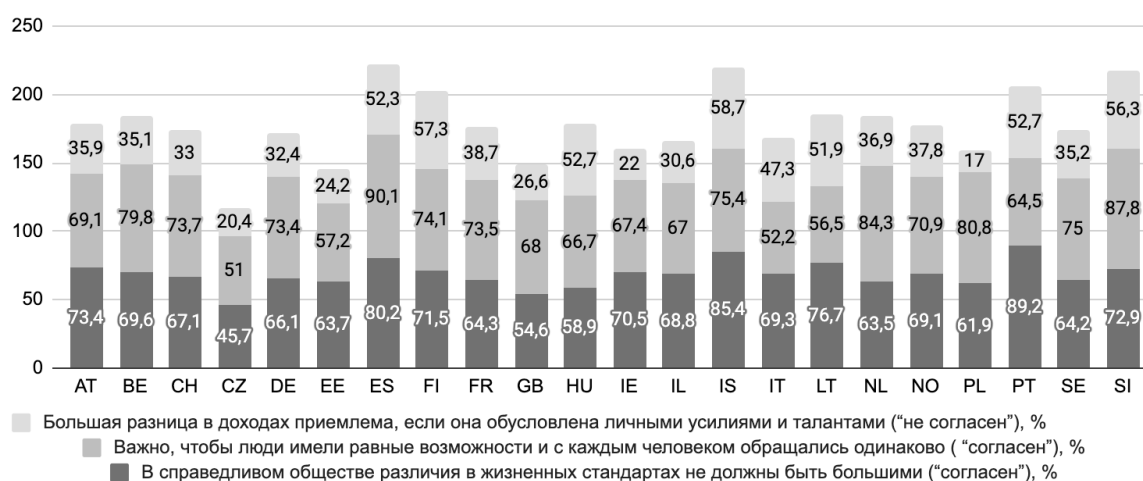

Рис. 3. Восприятие неравенства у пожилых в странах Европы⁶

Источник: расчеты авторов.

В целом востребованность ценностей равенства у старшего поколения и респондентов трудоспособного возраста в европейских странах существенно выше, чем в РФ. Все это создает дополнительные вопросы не только в части укоренившихся в общественном сознании ценностей равенства (в том числе с учетом особенностей коллективистских и индивидуалистических обществ), но и о влиянии на них исторического опыта, институтов рынка труда и государственной политики перераспределения (выравнивания результатов и обеспечения равенства возможностей). Ряд авторов отмечают, что респонденты в странах, которые сильнее всего пострадали от мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., менее лояльны к неравенству (McGrath, 2015). Другие акцентируют внимание на просоциальных ценностях и межличностном доверии как факторах, которые объясняют неприятие неравенства (Falk, 2018).

Запрос на политику выравнивания

Политика выравнивания в РФ более востребована среди представителей старшего поколения, чем в молодых возрастных группах, что в целом подтверждается жизненным опытом. Именно от того, насколько активно государство использует перераспределительные инструменты, зависит благосостояние большей части пенсионеров, так как основной источник доходов для них – это социальные трансферты. Для трудоспособного населения политика выравнивания – это допол-

⁶ Здесь и далее коды стран представлены по ISO 3166 (AT – Австрия, BE – Бельгия, CH – Швейцария, CZ – Чехия, DE – Германия, EE – Эстония, ES – Испания, FI – Финляндия, FR – Франция, GB – Великобритания, HU – Венгрия, IE – Ирландия, IL – Израиль, IS – Исландия, IT – Италия, LT – Литва, NL – Нидерланды, NO – Норвегия, PL – Польша, PT – Португалия, SE – Швеция, SI – Словения).

нительные или более высокие налоги и, как следствие, потенциальная опасность снижения реальных располагаемых доходов, что уменьшает востребованность данных инструментов. Более 85% лиц старше 60 лет и 77% лиц в возрасте 16–59 лет в РФ считают, что именно государство должно нести ответственность за уровень жизни старшего поколения. Более 60% респондентов в разных группах поддерживают идею о том, что социальные пособия нужны только для самых бедных слоев населения. Вместе с тем есть различия в оценке необходимости политики выравнивания с точки зрения семейного положения и совокупного уровня доходов. Семейные и материально обеспеченные пенсионеры в РФ в меньшей степени предъявляют спрос на политику выравнивания. Они также в меньшей степени склонны перекладывать ответственность за уровень жизни старшего поколения на государство (рис. 4).

Среди трудоспособных респондентов в РФ, напротив, наблюдаются существенные различия в оценках необходимости политики выравнивания в контексте возрастных подгрупп респондентов, семейного положения и уровня образования. Респонденты с более низким уровнем образования предъявляют более высокий спрос на политику выравнивания, что может быть обусловлено низким уровнем доходов и отсутствием перспектив социальной мобильности из-за жесткости условий найма на рынке труда (большинство работодателей предпочитают нанимать сотрудников с высшим образованием, даже если оно не соответствует профилю работы). Образовательный уровень становится не столько характеристикой сформированных компетенций, сколько маркером усидчивости и целеустремленности (Sunde, 2020). В результате индивиды, не получившие образования, в трудных жизненных ситуациях обычно не готовы прикладывать серьезные усилия для решения возникших проблем и склонны переносить ответственность за собственное материальное благосостояние на третьих лиц, в первую очередь на государство. Для возрастных подгрупп характерна общая тенденция: чем старше респонденты, тем больше среди них сторонников перераспределения. Респонденты в разводе или потерявшие супруга также предъявляют более высокий спрос на политику выравнивания, что во многом обусловлено сокращением ресурсов семейной поддержки. Доходы и статус на рынке труда не являются факторами существенной дифференциации спроса на инструменты перераспределения, что может быть обусловлено особенностями российской системы подоходного налогообложения (плоская шкала) и широким распространением «серых» зарплат.

В среднем сторонников активной политики выравнивания в РФ существенно больше, чем в странах Европы, что, вероятно, обусловлено длительной традицией государственного патернализма, сложившейся еще в советские времена, ностальгия по которой определяет приоритеты в первую очередь старшего поколения. Данный вывод подтверждается, например, большей востребованностью политики выравнивания в Литве (91% лиц старше 60 лет), в то время как среднеевропейский уровень – 77%. В Италии почти 70% респондентов старше 60 лет считают, что социальные пособия должны распространяться только на самых бедных жителей, в то время как пожилые жители Нидерландов спокойно относятся к мысли, что социальные гарантии будут получать и другие члены общества. Полную меру ответственности за благосостояние старшего поколения на государство готовы возложить пожилые в Израиле (90%), в то время как в Нидерландах так считают только 54% респондентов (рис. 5).

Так же как и в России, в странах Европы респонденты старшего возраста более благосклонно относятся к перераспределительной политике, чем трудоспособные (рис. 6). В целом спрос на инструменты выравнивания несколько менее выражен, чем в РФ, несмотря на более низкий уровень толерантности к неравенству, что может быть обусловлено совершенно разными оценками эффективности данной политики. Например, в Латвии и Венгрии респонденты предъявляют высокий спрос на выравнивание при очень низких оценках эффективности существующих инструментов перераспределения. Однако Испания, Исландия или Финляндия также характеризуются высоким спросом на инструменты перераспределения, притом что респонденты в этих странах склонны высоко оценивать эффективность выравнивания.

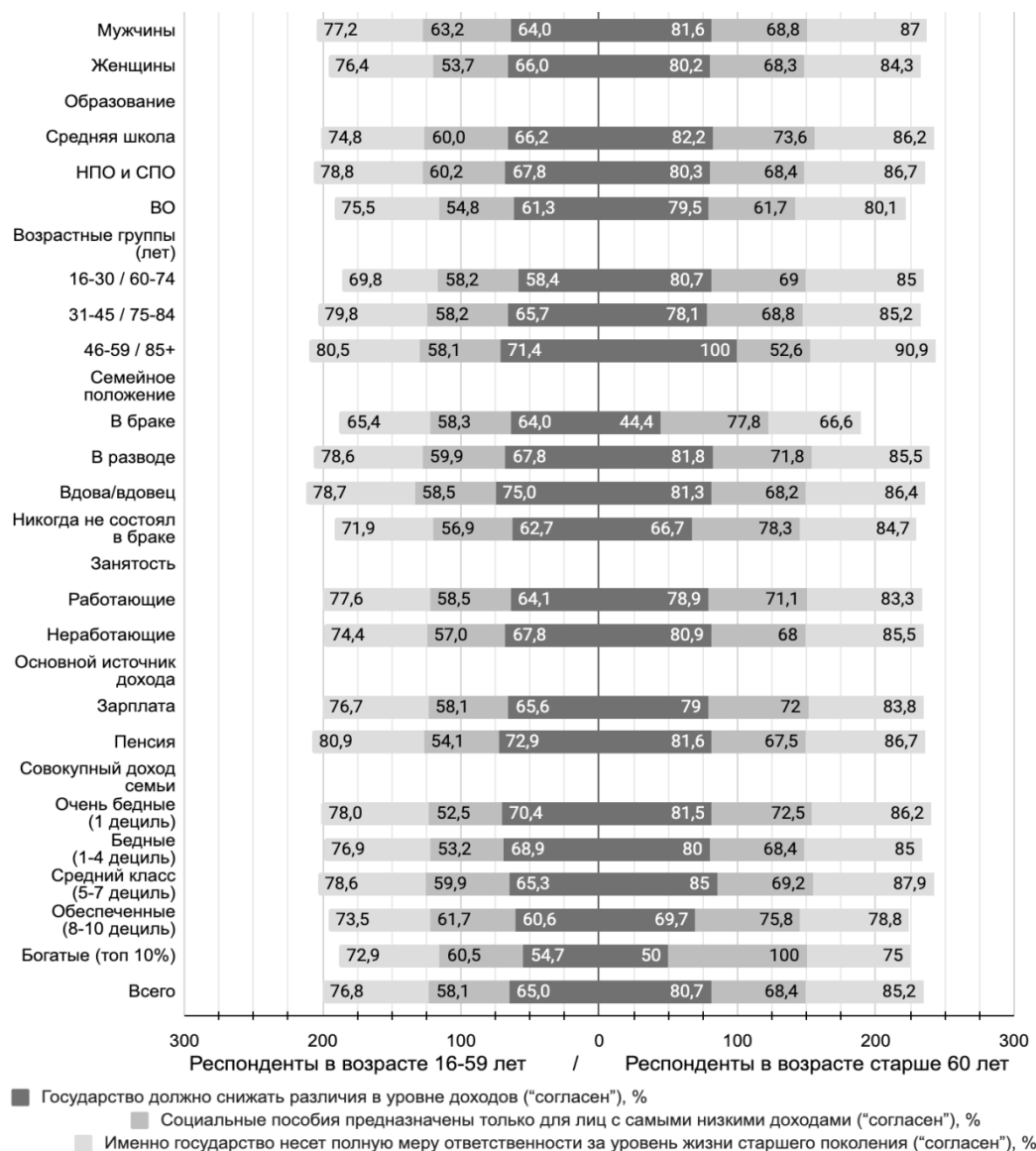

Рис. 4. Спрос на политику выравнивания в России

Источник: расчеты авторов.

Трудоспособные респонденты в европейских странах демонстрируют практически тот же уровень востребованности инструментов перераспределения, что и российские респонденты, несмотря на в среднем более высокий уровень налогообложения доходов и имущества. Данное обстоятельство может свидетельствовать о закреплении в сознании населения ценностей равенства и солидарности, которые влияют на спрос на политику выравнивания, а также может выступать отражением более высоких оценок эффективности используемых инструментов перераспределения.

В России спрос на инструменты перераспределения находится под влиянием комплекса противоречивых факторов. С одной стороны, респонденты, особенно лица пожилого возраста, поддерживая ценности равенства и солидарности, требуют повышения активности государства в сфере перераспределения. С другой стороны, сомнения в эффективности системы государственного управления, в том числе в сфере перераспределения доходов (например, противоречие между декларируемыми государством целями по снижению уровня бедности в два раза и подходом к достижению этой цели, который сводится к формальному изменению критериев доходной стратификации), могут способствовать снижению доверия населения к государственным институтам и создавать предпосылки либо для роста иждивенческих настроений, либо укреплять сомнения в легитимности системы государственного регулирования в целом и усиливать требования по снижению степени вмешательства государства в экономическую деятельность.

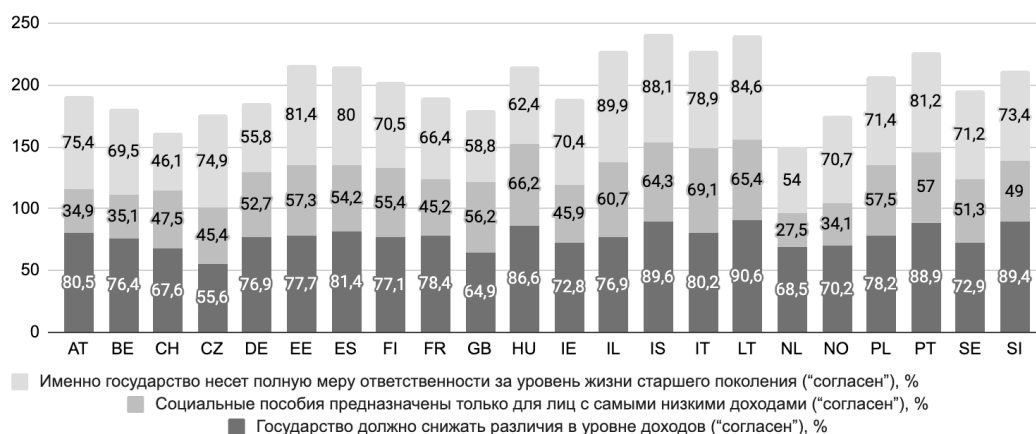

Рис. 5. Спрос на политику выравнивания у старшего поколения в странах Европы

Источник: расчеты авторов.

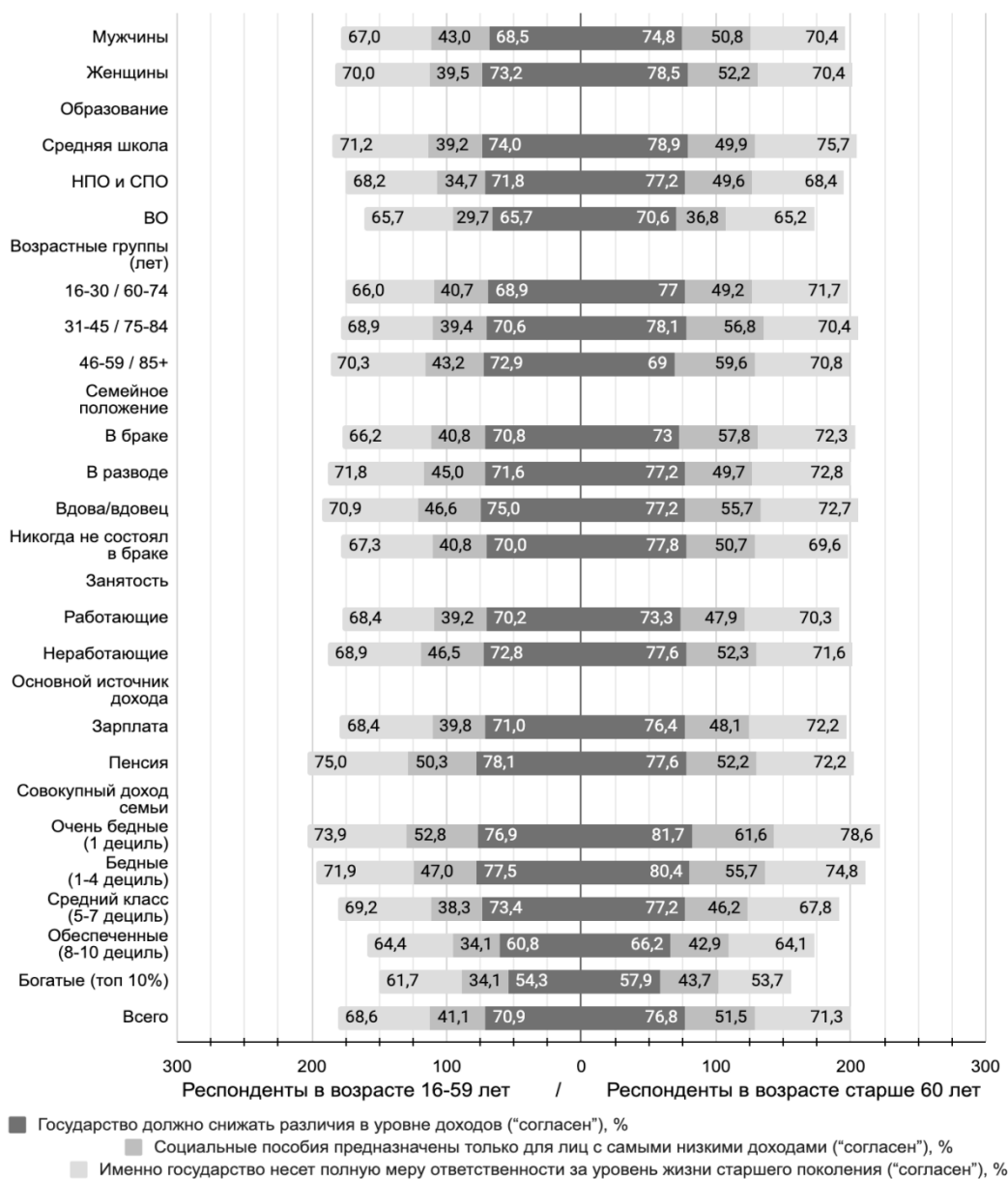

Рис. 6. Спрос на политику выравнивания в странах Европы

Источник: расчеты авторов.

Это может свидетельствовать о закреплении в сознании населения ценностей равенства и социальной солидарности, а также о более высокой эффективности политики выравнивания, низком уровне коррупции и нецелевого использования средств.

У старшего поколения в европейских странах политика выравнивания менее востребована, чем у пожилых граждан в России, что может свидетельствовать о наличии «подушки безопасности», сформированной на протяжении всей жизни респондента (доходы от имущества и ценных бумаг, корпоративные пенсионные программы и личные сбережения). Российские пенсионеры в большинстве своем не обладают подобными ресурсами из-за длительного периода системной трансформации экономики, в ходе которой были обесценены личные сбережения и произошло нелегитимное перераспределение прав собственности. Реформы в сфере пенсионного обеспечения также не дают поводов для оптимизма.

Непосредственную оценку степени эффективности инструментов перераспределения осуществить не представляется возможным, так как база данных Европейского социального исследования (ESS) не содержит соответствующих показателей. Косвенно данную оценку позволяют провести показатели, которые измеряют фактически достигнутые цели политики выравнивания – уверенность респондентов в том, что социальные пособия предотвращают широкое распространение бедности, обеспечивают более высокий уровень равенства и вместе с тем не провоцируют иждивенчество.

Эффективность политики выравнивания

В России только 30% респондентов старшего возраста уверены, что социальные пособия предотвращают бедность и обеспечивают социальное выравнивание, в то время как в странах Европы таковых 55–60%. Это может служить подтверждением гипотезы о низкой эффективности политики перераспределения как основы социальной политики в РФ. Мысль, что социальная политика приводит к более справедливому обществу, поддерживают только 22% пожилых граждан в России, но более 50% пожилых людей в европейских странах. Наличие в социальной политике инструментов, которые провоцируют иждивенчество, отмечают 40% пенсионеров в РФ и 33% пенсионеров в Европе.

На оценку эффективности политики перераспределения оказывают влияние и социодемографические факторы: возрастные характеристики респондентов, семейное положение и уровень фактических доходов (рис. 7). Наблюдается тенденция, выявленная в отношении восприятия неравенства и спроса на политику выравнивания: самые младшие и самые старшие возрастные подгруппы оценивают эффективность этой политики существенно ниже, чем представители средних возрастов. Если с увеличением возраста у трудоспособного населения оценки эффективности политики выравнивания растут, то в пожилом возрасте наблюдается обратная тенденция. При этом у респондентов в возрасте 85+ самый высокий спрос на политику выравнивания при самых низких оценках ее эффективности.

С точки зрения семейного положения оценки востребованности и эффективности политики выравнивания в целом совпадают. У респондентов старшего возраста больше всего сторонников выравнивания из числа лиц, находящихся в разводе: именно они более высоко оценивают эффективность политики выравнивания. Крайне скептически к результатам этой политики относятся представители самых обеспеченных слоев населения.

В странах Европы различия в оценках эффективности политики выравнивания выражены слабо. Факторами наиболее существенных различий являются семейное положение, уровень образования и уровень совокупных доходов семьи (более высокие оценки дают те, кто никогда не состоял в браке, получил высшее образование, относится к самым обеспеченным группам населения). При этом как трудоспособные граждане, так и старшее поколение в целом солидарны во мнении относительно эффективности перераспределительных инструментов (рис. 8).

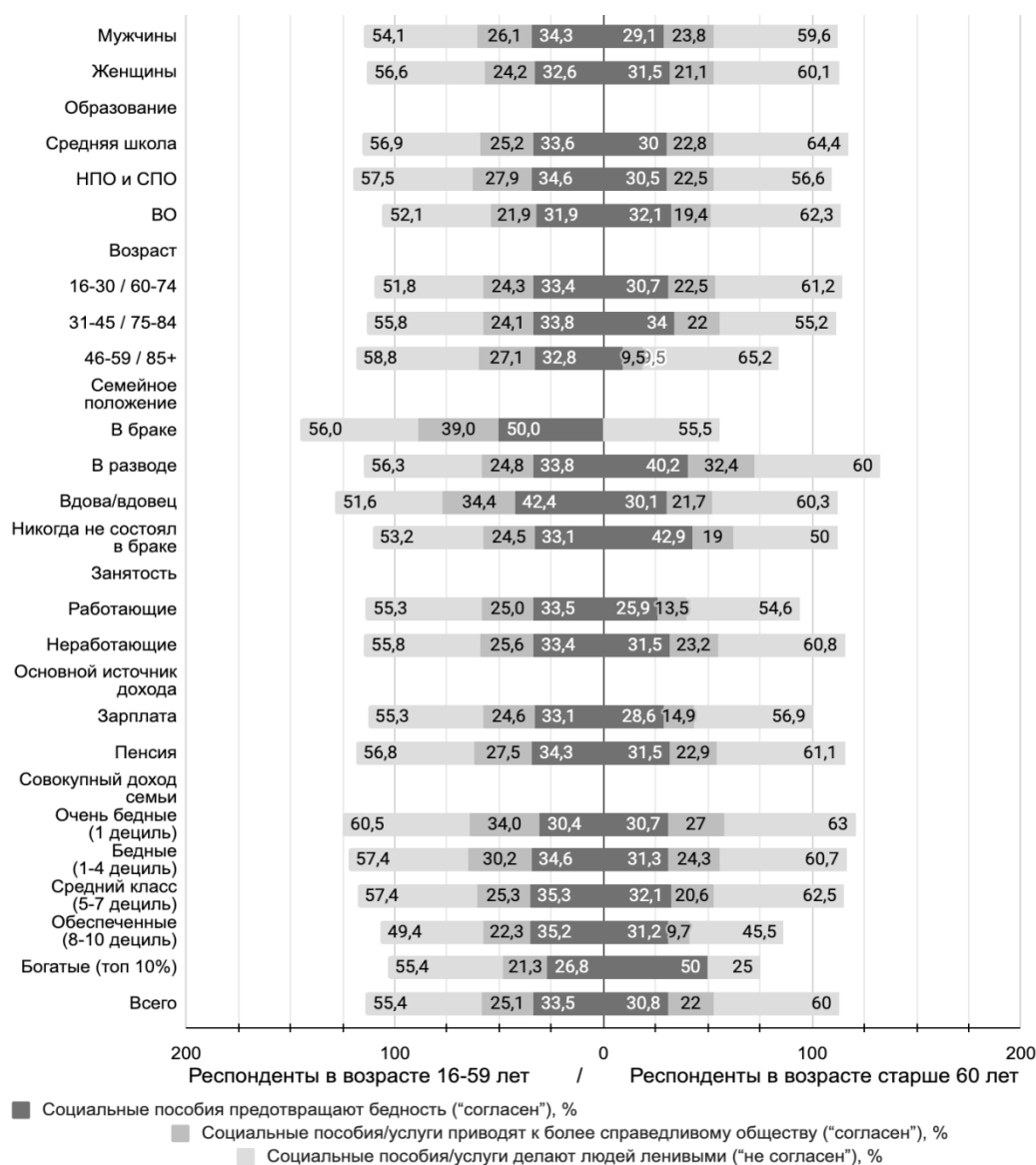

Рис. 7. Эффективность политики выравнивания в России

Источник: расчеты авторов.

Однако подобное единодушие в средних оценках может скрывать существенные межстрановые различия. Страны Европейского континента в соответствии с классификацией Г. Эспин-Андерсена принято делить на три группы с точки зрения используемой в практике модели социальной политики: это страны с либеральной моделью (Великобритания, Ирландия); социал-демократической моделью (Германия, Швеция); континентальной моделью (Франция, Бельгия, Португалия). Вместе с тем постепенная эволюция моделей государства всеобщего благосостояния в XX веке и создание единого экономического и политического пространства приводит к размыванию границ моделей социальной политики. В результате формируются контуры смешанного подхода к социальному регулированию, в котором сочетаются черты как индивидуалистических, так и коллективистских подходов. Данное обстоятельство находит свое отражение в изменении представлений населения о несправедливом неравенстве и мерах его устранения.

Например, жители Нидерландов, как трудоспособного, так и старшего возраста, в большей мере (более 75%), чем граждане всех остальных европейских стран (в среднем 58–60%), уверены в эффективности политики перераспределения в своей стране, при этом только 35% пенсио-

неров в Нидерландах считают, что социальные пособия делают людей ленивыми (провоцируют иждивенчество). При этом они предъявляют низкий спрос на инструменты перераспределения при схожих с респондентами из других стран оценках легитимности неравенства. Почти 70% пожилых жителей Бельгии уверены, что социальная политика приводит к более справедливому обществу, 55% пожилых респондентов Исландии убеждены, что социальные пособия не ведут к иждивенчеству.

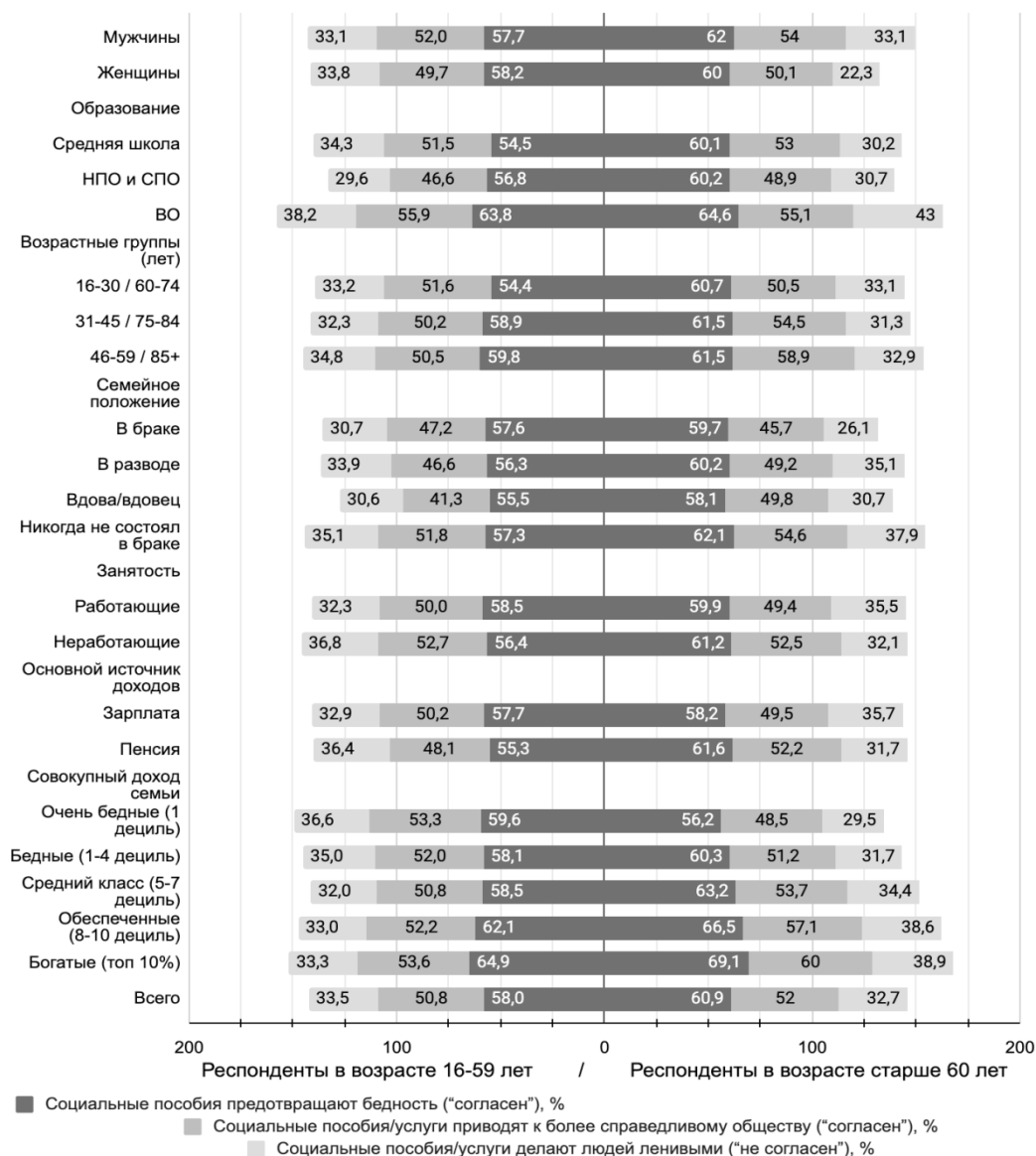

Рис. 8. Эффективность политики выравнивания в европейских странах

Источник: расчеты авторов.

На другой стороне этого спектра – Литва, Венгрия и Великобритания, где старшее поколение оценивает эффективность политики выравнивания как крайне низкую (рис. 9). При этом респонденты из Литвы и Венгрии предъявляют более высокий спрос на инструменты перераспределения, чем в среднем по странам Европы, а респонденты из Великобритании не склонны поддерживать подобные инициативы при схожем отношении к неравенству.

Корреляционный анализ взаимосвязи аспектов восприятия неравенства, спроса на инструменты выравнивания и оценок их эффективности свидетельствует о наличии статистически значимой связи между убежденностью респондентов в том, что «В справедливых обществах различия в жизненных стандартах не должны быть большими», и уверенностью, что «Государ-

ство должно снижать различия в уровне доходов» (0,728***), при этом выявлена статистически значимая прямая связь и с показателем «Большая разница в доходах приемлема, если она обусловлена личными усилиями и талантам» (0,636**). Обратная взаимосвязь наблюдается между показателем «Социальные пособия предназначены только для лиц с самыми низкими доходами» и показателем «Социальные пособия/услуги приводят к более справедливому обществу» (–0,646***). Еще больше респонденты сомневаются в том, что социальные пособия для бедных действительно будут способствовать снижению бедности («Социальные пособия предотвращают бедность», –0,832***). Зависимость между показателем фактического неравенства (коэффициент Джини) и убежденностью респондентов в том, что «Социальные пособия/услуги приводят к более справедливому обществу» также обратная (–0,553***).

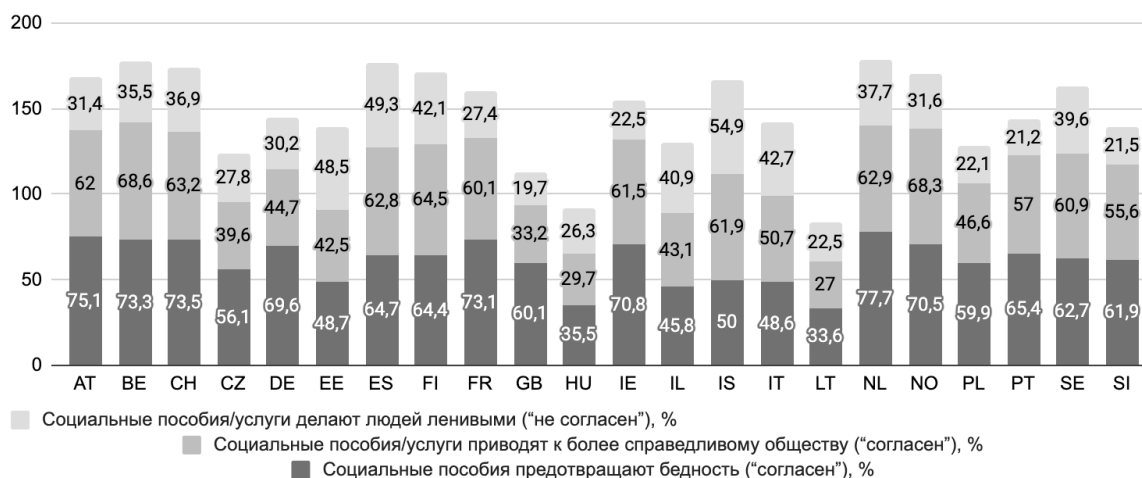

Рис. 9. Эффективность политики выравнивания в представлениях старшего поколения в странах Европы

Источник: расчеты авторов.

Все многообразие оценок позволяет сделать вывод о гетерогенном характере преобладающих в общественных группах ценностях и запросах. Данный факт можно проиллюстрировать при помощи диаграммы оценки зависимости между спросом на политику выравнивания (средневзвешенная оценка по трем показателям этого блока как процентное отношение количества респондентов, согласных с представленными утверждениями) и восприятием неравенства (средневзвешенная оценка, рассчитана аналогично). Цветом выделены группы стран по величине индекса Джини по данным Всемирного банка (темно-серый – Джини от 0,20 до 0,25; серый – Джини от 0,25 до 0,30; стальной – Джини от 0,30 до 0,35; светло-серый – Джини от 0,35 до 0,40). Размер «пузырька» определяется средневзвешенной оценкой эффективности политики выравнивания (чем выше оценка, тем больше окружность).

Как показало исследование, большинство респондентов старшего возраста оценивают эффективность существующих инструментов перераспределения достаточно высоко, однако спрос на политику выравнивания в странах существенно различается (рис. 10). Страны Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Латвия, Чехия), а также Великобритания, Польша и РФ демонстрируют противоречивые предпочтения пенсионеров в части инструментов перераспределения при схожих оценках эффективности социальной политики. В странах, где респонденты старше 60 лет дают низкие оценки эффективности социальной политики, наблюдается сравнительно более высокая толерантность к неравенству. Это может быть обусловлено особенностями регулирования и снижением доверия населения к органам государственной власти, вследствие чего даже социально незащищенные группы населения вынуждены опираться преимущественно на собственные силы и возможности. Респонденты могут не владеть информацией о конкретных инструментах выравнивания и перераспределения, не являться бенефициарами такой политики и оценивать это как несправедливость.

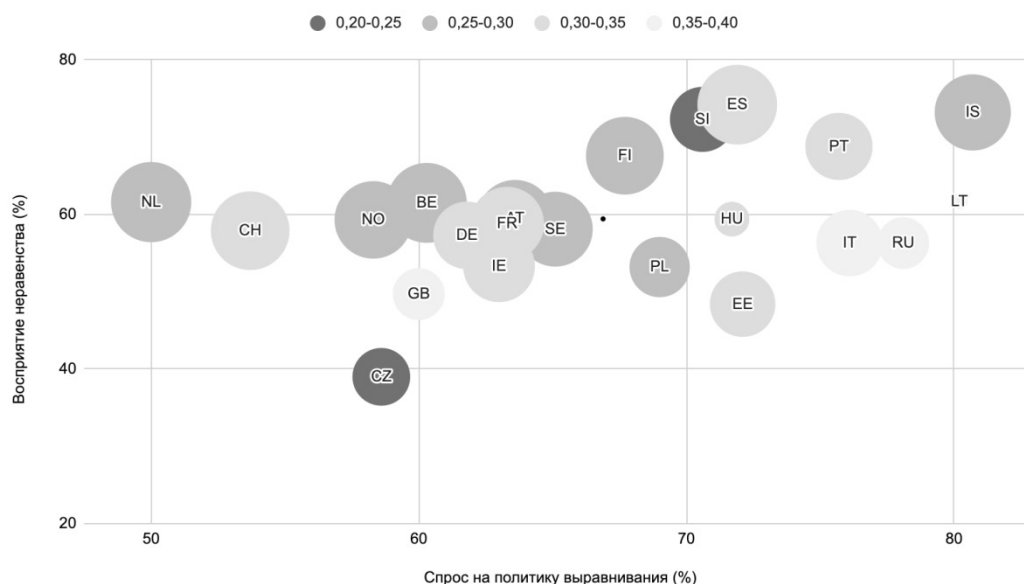

Рис. 10. Взаимосвязь восприятия неравенства, спроса на политику выравнивания, оценок ее эффективности и фактического неравенства, респонденты старше 60 лет

Источник: расчеты авторов.

Заключение

Таким образом, в результате исследования получили подтверждение большинство заявленных исследовательских гипотез в отношении различий в восприятии неравенства, в спросе на инструменты перераспределения и в оценках эффективности политики выравнивания.

Сравнительный анализ этих аспектов в разрезе возрастных групп респондентов (трудоспособные/пенсионеры) и межстрановых различий позволил подтвердить выводы, представленные в российских и зарубежных источниках. В частности, данные по восприятию неравенства респондентами старшего возраста подтверждают гипотезу о влиянии представлений о социальной мобильности на оценки легитимности неравенства. В данном исследовании установлено, что старшее поколение оценивает перспективы социальной мобильности как крайне низкие, поэтому не склонно поддерживать неравенство, в том числе обусловленное талантами и усилиями.

Различия в оценках, обусловленные влиянием исторического опыта, также подтверждаются результатами международных сопоставлений. Системная трансформация начала 90-х годов XX века в РФ и странах бывшего советского лагеря (Чехия, Венгрия, Латвия) стала одним из факторов социального раскола общества. Социальные группы, которые получили конкурентные преимущества в ходе становления рыночного хозяйства и осознали возможности, связанные с укреплением личного материального благосостояния (собственники капитала, работники банковского сектора и сырьевых отраслей, телекоммуникационных компаний, в целом трудоспособное население), оказались не готовы поддерживать инициативы, направленные на сглаживание имущественной и доходной дифференциации. Напротив, общественные группы, которые потеряли свои позиции (работники социальной сферы, предприятий и организаций в низкодоходных отраслях и видах экономической деятельности, лица старшего возраста), испытывают ностальгию по советскому экономическому и политическому строю и формируют общественный запрос на активное социальное выравнивание как жизненных шансов, так и результатов.

Вместе с тем в ходе исследования на материалах России не нашла подтверждения гипотеза, обозначенная в работах (Guillaud, 2013; Marten, 2019), о влиянии статуса на рынке труда (работающий/неработающий) на восприятие неравенства и спрос на инструменты перераспределения. Исключение составляют оценки эффективности политики выравнивания у респондентов старше 60 лет. Неработающие более оптимистичны в своих оценках, чем работающие. Это обстоятельство объясняется высоким уровнем занятости пенсионеров в России из-за дефицита

доходов в силу уравнительного принципа формирования пенсионных выплат. В европейских странах наблюдаются минимальные различия в оценках между работающими и неработающими респондентами в части спроса на инструменты перераспределения и эффективности политики выравнивания. Это может свидетельствовать о более взвешенном подходе к проектированию инструментов социального выравнивания, чем в России.

Также результаты этого исследования подтверждают наличие множественных равновесий во взаимосвязи представлений о неравенстве и запросах на инструменты перераспределения, которые ранее были выявлены в работах А. Алесины и Г. Ангелетоса (Alesina and Angeletos, 2005).

Новизна результатов обусловлена расширением традиционного объекта исследований проблематики неравенства за счет оценок представителей старшего возраста и межстрановых сопоставлений различий, обусловленных дифференцированными подходами к организации системы государственного социального регулирования.

Однако некоторые выводы данного исследования являются гипотетическими и требуют дальнейшей проверки. В частности, это вопросы, связанные с изменениями представлений респондентов о легитимности неравенства и эффективности инструментов перераспределения в разные исторические периоды. Ограничения данного исследования обусловлены недоступностью фактических данных, которые бы обладали высоким уровнем регулярности. Целевые тематические блоки социологических исследований имеют значительный временной лаг сбора данных или являются эпизодическими и не повторяются в последующих волнах. Субъективные оценки восприятия неравенства и запрос на инструменты перераспределения представлены только в двух волнах Европейского социального исследования. В 2014 году респондентов спрашивали про неравенство в доступе к здравоохранению, в 2018-м – о справедливости. Вопросы об эффективности политики государства всеобщего благосостояния поднимались в исследованиях 2008 и 2016 годов. Подобная нерегулярность социологических исследований затрудняет оценку влияния отдельных исторических событий и процессов. Например, для современной России резонансным стало повышение пенсионного возраста, однако измерить, насколько изменились представления респондентов под влиянием этого события и прочих институциональных трансформаций, не представляется возможным.

Вместе с тем полученные результаты могут быть использованы для мониторинга социальных настроений по отдельным аспектам значимых процессов явлений или исторических событий, актуализации и проектирования новых инструментов государственной социальной политики, направленных на расширение перспектив социальной мобильности, сглаживание чрезмерных социальных неравенств, укрепление доверия и социальной солидарности, что может способствовать сокращению стимулов к оппортунистическому поведению и формированию нового общественного договора.

Литература / References

- Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020). Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? *Мир России* **29**(1): 31–52. [Anikin V., Lezhnina Yu., Mareeva S., Slobodenyuk E. (2020). The factors behind the demand of Russians for the state support. *Mir Rossii* **29**(1): 31–52 (in Russian).]
- Вишневский Ю.Р. (2016). *Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: Сборник научных статей*. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 253 с. [Vishnevsky Yu. (2016). *Students of Russia on social inequality and social justice: a collection of scientific articles*. Moscow: Russian Society of Sociologists; Yekaterinburg: Publishing House of the Educational and Methodological Center of the Ural Polytechnic Institute, 253 p. (in Russian).]
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2014). *Восприятие неравенства и социальная мобильность*. Препринт WP3/2014/03. НИУ ВШЭ, 39 с. [Gimpelson V., Monusova G. (2014). *Perception of inequality and social mobility*. Working Paper WP3/2014/03. HSE University, 39 p. (in Russian).]

- Капелюшников Р. (2020). Команда Т. Пикети о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов. *Вопросы экономики* (4): 67–106. [Kapelyushnikov R. (2020). T. Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts. *Voprosy Ekonomiki* (4): 67–106 (in Russian).]
- Кислицына О.А. (2018). Восприятие россиянами несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы. *Социальные аспекты здоровья населения* (3): 1–10. [Kislitsyna O. (2018). Perception of injustice of inequality in access to health care by citizens of the Russian Federation and its determinants. *Social Aspects of Population Health* (3): 1–10 (in Russian).]
- Мареева С. (2021). Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол. *Социологические исследования* (1): 38–49. [Mareeva S. (2021). Middle-class perceptions of inequality compared to other Russians: Consensus or disagreement? *Sotsiologicheskie issledovaniya* (1): 38–49 (in Russian).]
- Мареева С.В. (2019). Восприятие социальных неравенств населением: вызовы и возможности для социальной политики, с. 389–393 / В сб.: Горшков М.К. (ред.). *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). Сборник материалов международной научной конференции*. М.: ФНИСЦ РАН. [Mareeva S. (2019). Perception of social inequalities by the population: Challenges and opportunities for social policy, pp. 389–393. In: Gorshkov M. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and Challenges of Social Transformations (To the 90th Anniversary of the Birth of V.A. Yadov)* (in Russian).]
- Мареева С., Тихонова Н. (2016). Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании. *Мир России* 25(2): 37–67. [Mareeva S., Tihonova N. (2016). Public perceptions of poverty and social inequality in Russia. *Mir Rossii* 25(2): 37–67 (in Russian).]
- Alesina A., Angeletos G. (2005). Fairness and redistribution. *American Economic Review* 95(4): 960–980.
- Alesina A., Di Tella R., MacCulloch R. (2004). Inequality and happiness: Are Europeans and Americans different? *Journal of Public Economics* 88(9–10): 2009–2042.
- Andersen R., Curtis J. (2015). Social class, economic inequality, and the convergence of policy preferences: Evidence from 24 modern democracies. *Canadian Review of Sociology* 52(3): 266–288.
- Benabou R., Ok E. (2001). Social mobility and the demand for redistribution: The POUM hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics* 116(2): 447–487.
- Choi G. (2019). Revisiting the redistribution hypothesis with perceived inequality and redistributive preferences. *European Journal of Political Economy* 58: 220–244.
- Cruces G., Perez-Truglia R., Tetaz M. (2013). Biased perceptions of income distribution and preferences for redistribution: Evidence from a survey experiment. *Journal of Public Economics* 98: 100–112.
- Cutler J., Nitschke J., Lamm C. et al. (2021). Older adults across the globe exhibit increased prosocial behavior but also greater in-group preferences. *Nat Aging* 1: 880–888. DOI: 10.1038/s43587-021-00118-3
- Danilova E. (2017). Actual and perceptual social inequality under transformative change in Russia and China. *Europe-Asia Studies* 69(1): 27–52.
- Duman A. (2020). Subjective social class and individual preferences for redistribution: Cross-country empirical analysis. *International Journal of Social Economics* 47(2): 173–189.
- Durante R., Putterman L., Van der Weele J. (2014). Preferences for redistribution and perception of fairness: An experimental study. *Journal of the European Economic Association* 12(4): 1059–1086.
- Falk A., Becker A., Dohmen T., Enke B., Huffman D., Sunde U. (2018). Global evidence on economic preferences. *The Quarterly Journal of Economics* 133(4): 1645–1692.
- Garcia-Sanchez E., Osborne D., Willis G.B., Rodriguez-Bailon R. (2020). Attitudes towards redistribution and the interplay between perceptions and beliefs about inequality. *British Journal of Social Psychology* 59(1): 111–136.

- Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics & Politics* **30**(1): 27–54.
- Guillaud E. (2013). Preferences for redistribution: an empirical analysis over 33 countries. *Journal of economic inequality* **11**(1): 57–78.
- Isaksson A.S., Lindskog A. (2009). Preferences for redistribution. A country comparison of fairness judgements. *Journal of Economic Behavior & Organization* **72**(3): 884–902.
- Jaspal R., Breakwell G. (2022). Socio-economic inequalities in social network, loneliness and mental health during the COVID-19 pandemic. *The International Journal of Social Psychiatry* **68**(1): 155–165.
- Marten L. (2019). Demand for redistribution: individuals' responses to economic setbacks. *Scandinavian Journal of Economics* **121**(1): 225–242.
- McGrath L. (2015). Inequality in economic perceptions within and between EU member countries. In: Dawson M., Enderlein H., Joerges C. (eds.) *Beyond the Crisis: The Governance of Europe's Economic, Political and Legal Transformation*. Oxford. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198752868.003.0015
- Meltzer A., Richard S. (1981). A Rational Theory of the Size of Government. *Journal of Political Economy* **89**(5): 914–927.
- Piketty T. (1995). Social mobility and redistributive politics. *The Quarterly Journal of Economics* **110**(3): 551–584.
- Ravallion M., Lokshin M. (2000). Who wants to redistribute? The tunnel effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics* **76**(1): 87–104.
- Roth C., Wohlfart J. (2018). Experienced inequality and preferences for redistribution. *Journal of Public Economics* **167**: 251–262.
- Schneider S. (2016). Income inequality and subjective wellbeing: Trends, challenges, and research directions. *Journal of Happiness Studies* **17**(4): 1719–1739.
- Sunde U., Dohmen T., Enke B., Falk A., Huffman D. (2020). *Patience and comparative development*. ECONtribute Discussion Papers Series 035. University of Bonn and University of Cologne. Germany. <https://ideas.repec.org/p/ajk/ajkdps/035.html> (accessed December 25 2021).